

БИТВА КОРОЛЕЙ

GEORGE MARTIN
A CLASH OF KINGS

ILLUSTRATED BY
RICHARD HESCOX

ДЖОРДЖ МАРТИН
БИТВА КОРОЛЕЙ

ХУДОЖНИК
РИЧАРД ХЕСКОКС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М29

George R.R. Martin
A Clash of Kings

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg Associates

*Издательство признательно Назиму Абдимомунову,
Артуру Шафикову и сайту 7kingdoms.ru за помощь,
оказанную при подготовке настоящего издания.*

Мартин, Джордж Р.Р.

М29 Битва королей : [роман] / Джордж Р.Р. Мартин ; [перевод с
английского Н.И. Виленской]. — Москва : Издательство АСТ,
2020. — 960 с.

ISBN 978-5-17-119428-4

Король умер, да здравствует король! Да, но какой из королей? Кто
воссядет на Железный трон после смерти Роберта Баратеона? Кто
поддержит его в борьбе с претендентами? И на что он готов, чтобы
победить в этой борьбе?

Вторая часть саги Джорджа Мартина проиллюстрирована ветераном
фантастической живописи, известным американским художником
Ричардом Хескоксом.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-119428-4

Copyright © George R.R. Martin, 1999
All artwork Copyright © Richard Hescox, 2014. All Rights Reserved
© Н.И. Виленская, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

БИТВА КОРОЛЕЙ

Королевская Гавань

299 год
от Завоевания Эйегона

1 (Высокий) холм Эйегона

2 холм Висеньи

3 холм Рейенис

4 Черноводный залив

5 Черноводная (река)

6 Королевский лес

7 Королевский тракт

8 Золотая дорога

9 дорога в Росби

10 подъемные башни

11 пристань

12 Рыбный рынок

13 турнирные поля

14 Западные казармы

15 Восточные казармы

16 дом Шаи

17 бордель Катаи

18 мастерская Тобхо Мотта

19 Красный замок

20 Великая септа Бейелора

21 Гильдия алхимиков

22Bloшинный Конец

23 Драконье Логово

24 Драконьи ворота

25 Железные ворота

27 Королевские ворота

28 Львиные ворота

29 Божьи ворота

30 Старые ворота

31 площадь Сапожника

32 площадь Рыбная

33 Речная улица

34 Грязная улица

35 Крюк (улица)

36 Хлебная улица

37 Сумрачный переулок

38 Свиной переулок

39 Лярдовая улица

40 улица Ткачей

41 Вонючая Канавка

42 Сточная Канавка

43 Мучная улица

44 Шелковая улица

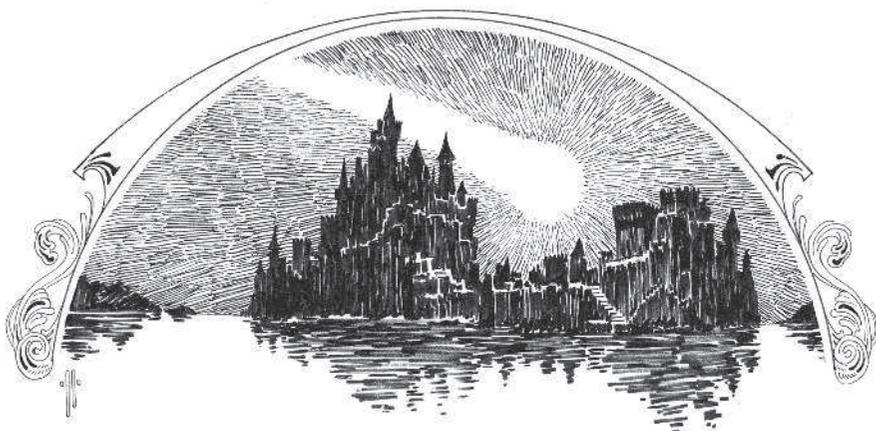
45 улица Сестер

46 Стальная улица

47 Узревой переулок

48 переулок Медников

карту составила Narguen

ПРОЛОГ

Хвост кометы рассек утреннюю зарю. Красная полоса кровоточила, словно рана, на розовато-лиловом небосклоне над утесами Драконьего Камня.

Мейстер стоял на овеваемом ветром балконе своих покоев. Сюда к нему прилетали вороны после долгих странствий. Они порядком загадили горгулий — адского пса и виверна, возвышавшихся на двенадцать футов по обе стороны от него, двух из тысячи изваяний, хранящих стены древней крепости. Когда мейстер впервые приехал на Драконий Камень, армия каменных чудовищ наводила на него оторопь, но с годами он к ним привык и думал о них, как о старых друзьях. Сейчас он вместе с горгульями взирал на небо с недобрый предчувствием.

Мейстер Крессен не верил в дурные предзнаменования. И все же... За всю свою долгую жизнь он не видел кометы столь яркой и такого жуткого цвета — цвета крови, пламени и заката. Может быть, горгульи видели? Они здесь пробыли гораздо дольше, чем он, и останутся здесь, когда его не будет. Если бы их каменные языки могли говорить...

Что за глупые мысли. Мейстер оперся на парапет. Внизу о берег било море, пальцы ощущали шероховатость черного камня. Говорить с горгульями и читать на небе приметы! Ничемный старик, впавший в детство. Неужели приобретенная

тяжким опытом мудрость покинула его вместе со здоровьем и силой? Он мейстер, обученный и получивший нагрудную цепь в прославленной Цитадели Староместа. И все это ради того, чтобы теперь предаваться суевериям, словно невежественный крестьянин?

И все же, все же... Комета последнее время пылала даже днем, и бледно-серый дым поднимался над Драконьей горой позади замка, а вчера белый ворон принес из самой Цитадели давно ожидаемую, но оттого не менее устрашающую весть о конце лета. Предзнаменования слишком многочисленны, чтобы закрывать на них глаза. «Но что они означают?» — хотелось ему закричать.

— Мейстер Крессен, к нам пришли, — произнес Пилос мягко, словно не желая вторгаться в мрачные думы старика. Знай он, какая чепуха у старца в голове, он заорал бы в голос. — Принцесса хочет посмотреть белого ворона. — Пилос, всегда точный в словах, называет ее принцессой, поскольку ее лорд-отец теперь король. Король дымящейся скалы посреди соленого моря, но тем не менее король. — С нею ее дурак.

Старик повернулся спиной к рассвету, придерживаясь за виверна, чтобы не упасть.

— Проводи меня до стула и пригласи их сюда.

Пилос, взяв Крессена за руку, ввел его в комнату. В молодости Крессен был скор на ногу, но к восьмидесяти годам ноги стали подкашиваться под ним. Два года назад он упал и сломал себе бедро, которое так и не срослось как следует. В прошлом же году, когда он занемог, Цитадель прислала сюда Пилоса — всего за несколько дней до того, как лорд Станнис закрыл остров... чтобы помогать Крессену в его трудах, так было сказано, но Крессен-то знал, в чем дело. Пилос должен заменить его, когда он умрет. Крессен не возражал. Надо же кому-нибудь занять его место — и случится это скорее, чем ему бы хотелось.

Младший мейстер усадил его за стол, заваленный книгами и бумагами.

— Приведи ее. Негоже заставлять леди ждать. — Он махнул рукой, чтобы поспешили, — слабый жест человека, не способного более спешить. Кожа его сморщилась, покрылась пятнами и так истончилась, что под ней виднелись жилы и кости.

И как они дрожали теперь, эти руки, некогда столь ловкие и уверенные...

Пилос вернулся с девочкой, робеющей, как всегда. За ней, подскакивая боком, как это у него водилось, тащился ее дурак в потешном колпаке из старого жестяного ведра, увенчанном оленьими рогами и увешанном коровьими колокольцами. При каждом его прыжке колокольчики звенели на разные лады: динь-дон, клинь-клон, бим-бом.

— Кто это жалует к нам в такую рань, Пилос? — спросил Крессен.

— Это мы с Пестряком, мейстер. — Невинные голубые глаза смотрели на него с некрасивого, увы, лица. Дитя унаследовало квадратную отцовскую челюсть и злосчастные материнские уши, а тут еще последствия серой хвори, едва не уморившей ее в колыбели. Одна щека и сторона шеи у нее омертвела, кожа там растрескалась и лупится, на ощупь словно каменная и вся в черных и серых пятнах. — Пилос сказал, что нам можно посмотреть белого ворона.

— Ну конечно, можно. — Разве он мог в чем-нибудь ей отказать? Ей и так слишком во многом отказано. Ее зовут Ширен, в следующие именины ей исполнится десять лет, и она самый печальный ребенок из всех детей, которых знал мейстер Крессен. «Ее печаль — это мой позор, — думал старик, — еще одна моя неудача». — Мейстер Пилос, сделайте мне одолжение, принесите птицу с вышки для леди Ширен.

— С величайшим удовольствием. — Пилос — учтивый юноша. Ему не больше двадцати пяти, но держится он степенно, как шестидесятилетний. Ему бы чуточку больше юмора, больше *жизни* — вот то, чего здесь недостает. Мрачные места нуждаются в свете, а не в серьезности, Драконий же Камень мрачен как нельзя более: одинокая цитадель, окруженная бурными солеными водами, с дымящейся горой на заднем плане. Мейстер должен ехать, куда его посылают, поэтому Крессен прибыл сюда со своим лордом двенадцать лет назад и служил ему усердно. Но он никогда не любил Драконий Камень, никогда не чувствовал здесь себя по-настоящему дома. В последнее время, пробуждаясь от беспокойных снов, в которых ему являлась красная женщина, он часто не мог сообразить, где находится.

Дурак повернул свою пятнистую плешивую голову, глядя, как Пилос поднимается по крутой железной лестнице на вышку, и его колокольчики зазвенели.

— На дне морском птицы носят чешую, а не перья, — сказал он. — Я знаю, я-то знаю.

Даже для дурака Пестряк являл собой жалкое зрелище. Может быть, когда-то над его шутками и смеялись, но море отняло у него этот дар вместе с доброй половиной рассудка и всей его памятью. Тучный и дряблый, он постоянно дергался, трясся и нес всякий вздор. Теперь он смешил только девочку, и только ей было дело до того, жив он или умер.

Безобразная девочка, печальный шут и старый мейстер в придачу — вот история, способная исторгнуть слезы у любого.

— Посиди со мной, дитя. — Крессен поманил Ширен к себе. — Сейчас совсем еще рано, едва рассвело. Тебе следовало бы сладко спать в своей постельке.

— Мне приснился страшный сон, — сказала ему Ширен. — Про драконов. Они хотели меня съесть.

Девочка мучилась кошмарами, сколько мейстер ее помнил.

— Мы ведь с тобой уже говорили об этом, — сказал он ласково. — Драконы ожить не могут. Они высечены из камня, дитя. В старину наш остров был крайней западной оконечностью владений великой Валирии. Валирийцы возвели эту крепость и создали каменные изваяния с искусством, которое мы давно утратили. Замок, чтобы обороняться, должен иметь башни повсюду, где сходятся под углом две стены. Валирийцы придали башням форму драконов, чтобы сделать крепость более устрашающей, и с той же целью увенчали их тысячью горгулий вместо простых зубцов. — Он взял ее розовую ладошку в свои покрытые старческими пятнами руки и легонько пожал. — Ты сама видишь — бояться нечего.

Но Ширен это не убедило.

— А эта штука на небе? Далла и Матрис разговаривали у колодца, и Далла сказала, что слышала, как красная женщина говорила матушке, что это дракон выдыхает огонь. А если драконы дышат, разве они не могут ожить?

«Уж эта красная женщина, — уныло подумал мейстер. — Мало ей забивать своими бреднями голову матери, она еще и сны дочери должна отравлять. Надо будет поговорить с Даллой постroje, внушить ей, чтобы не повторяла подобных историй».

— Огонь на небе — это комета, дитя мое, хвостатая звезда, заблудившаяся на небесах. Скоро она уйдет, и мы больше никогда в жизни ее не увидим. Вот посмотришь.

Ширен храбро кивнула:

— Матушка сказала, что белый ворон извещает о конце лета.

— Это правда, миледи. Белые вороны прилетают только из Цитадели. — Пальцы мейстера легли на его цепь — все ее звенья были выкованы из разных металлов, и каждое символизировало его мастерство в особой отрасли знания. В дни своей гордой юности он носил ее с легкостью, но теперь она тяготила его, и металл холодил кожу. — Они больше и умнее других воронов и носят только самые важные письма. В этом сказано, что Конклав собрался, обсудил наблюдения, сделанные мейстерами по всему государству, и объявил, что долгое лето наконец завершилось. Десять лет, две луны и шестнадцать дней длилось оно — самое длинное на памяти живущих.

— Значит, теперь станет холодно? — Ширен, летнее дитя, не знала, что такое настоящий холод.

— Да, со временем. Быть может, боги по милости своей пошлют нам теплую осень и обильные урожаи, чтобы мы могли подготовиться к зиме. — В народе говорили, что долгое лето предвещает еще более долгую зиму, но мейстер не видел нужды пугать ребенка этими россказнями.

Пестряк звякнул своими колокольцами.

— На дне морском всегда стоит лето, — нараспев говорил он. — Русалки вплетают водяные цветы в свои косы и носят платье из серебристых водорослей. Я знаю, я-то знаю!

— Я тоже хочу платье из серебристых водорослей, — хихикнула Ширен.

— На дне морском снег идет снизу вверх, а дождь сух, словно кость. Я знаю, уж я-то знаю!

— А у нас тоже будет снег? — спросила девочка.

— Да, будет. — (Хорошо бы он не выпадал еще несколько лет и недолго лежал.) — А вот и Пилос с птицей.

Ширен восторженно вскрикнула. Даже Крессен не мог не признать, что птица имеет внушительный вид: белая как снег, крупнее любого ястреба, с яркими черными глазами — последнее означало, что она не просто альбинос, а настоящий белый ворон, выведенный в Цитадели.

— Ко мне, — позвал мейстер. Ворон расправил крылья, шумно пролетел через комнату и сел на стол перед Крессеном.

— А теперь я займусь вашим завтраком, — сказал Пилос. Крессен, кивнув, сказал ворону:

— Это леди Ширен.

Ворон закивал своей белой головой, будто кланяясь, и каркнул:

— Леди. Леди.

Девочка раскрыла рот:

— Он умеет говорить?

— Всего несколько слов. Я говорил тебе — они умны, эти птицы.

— Умная птица, умный человек, умный-разумный дурак, — сказал шут, побрякивая колокольчиками, и запел: — Тени собрались и пляшут, да, милорд, да, милорд, — пел он, перескакивая с ноги на ногу. — Не уйдут они отсюда, нет, милорд, нет, милорд. — Он кивал на каждом слове, лязгая колокольчиками на своих рогах.

Белый ворон закричал, захлопал крыльями и взлетел на железные перила лестницы, ведущей на вышку. Ширен как будто стала еще меньше.

— Он все время это поет. Я говорила, чтобы он перестал, но он не слушается. Я боюсь. Велите ему замолчать.

«И как же я это сделаю? — подумал старик. — Однажды у меня была возможность заставить его замолчать навеки, но теперь...»

Пестряк попал к ним еще мальчишкой. Светлой памяти лорд Стеффон нашел его в Волантисе, за Узким морем. Король — старый король, Эйерис II Таргариен, который в то время не совсем еще лишился рассудка, послал его милость подыскать невесту для принца Рейегара, не имевшего сестер, на которых

он мог бы жениться. «Мы нашли великолепного шута, — написал лорд Крессену за две недели до возвращения из своей безуспешной поездки. — Он совсем еще юн, но проворен, как обезьяна, и остер, как дюжина придворных. Он жонглирует, загадывает загадки, показывает фокусы и чудесно поет на четырех языках. Мы выкупили его на свободу и надеемся привезти домой. Роберт будет от него в восторге — быть может, он даже Станниса научит смеяться».

Крессен с грустью вспоминал об этом письме. Никто так и не научил Станниса смеяться, а уж юный Пестряк и подавно. Откуда ни возьмись сорвался шторм, и залив Разбитых кораблей оправдал свое имя. «Горделивая» — двухмачтовая галера лорда Стеффона — потерпела крушение уже почти добравшись до его замка. Двое старших сыновей видели со стены, как отцовский корабль налетел на скалы и скрылся в пучине. Сто гребцов и матросов потонули вместе с лордом Стеффоном и его леди-женой, и прибой долго еще выносил на берег близ Штормового Предела свежий урожай раздувшихся тел.

Мальчика выбросило на третий день. Мейстер Крессен был при этом — он помогал опознавать мертвых. Шут был гол, вывален в мокром песке, кожа на его теле побелела и сморщилась. Крессен счел его мертвым, как и всех остальных, но, когда Джомми взял парня за лодыжки и поволок к повозке, тот вдруг выкашлял воду и сел. Джомми до конца своих дней клялся, что Пестряк был холодным, как медуза.

Никто так и не узнал, как провел Пестряк эти два дня. Рыбаки уверяли, что какая-то русалка научила его дышать под водой в обмен на его семя. Сам Пестряк ничего не рассказывал. Шустрый остряк-парнишка, о котором писал лорд Стеффон, так и не добрался до Штормового Предела; вместо него нашли другого человека, повредившегося телом и рассудком, — он и говорил-то с трудом, какие уж там остроты! Но по его лицу сразу было видно, кто он. В Вольном городе Волантисе принято татуировать лица рабов и слуг, и парень ото лба до подбородка был разукрашен в красную и зеленую клетку.

«Бедняга рехнулся, весь изранен и не нужен никому, а меньше всего самому себе, — сказал старый сир Харберт, тогдашний кастелян Штормового Предела. — Милосерднее всего было бы